

Не зная врага, можно проиграть битву.

Но если узнаешь врага слишком хорошо — проиграешь наверняка.

Лорд адмирал Равенсбрук. Аксиомы флота, том IX

— Артиллерия готова, — доложил старший офицер-артиллерист, едва контр-адмирал Хорстгельд появился в капитанской рубке. — Мы можем открыть огонь через пятнадцать минут после приказа.

— Отлично, — ответил Хорстгельд.

Рубка гудела кипучей деятельностью. «Трибуналу» не приходилось стрелять по врагам уже довольно долгое время, и Хорстгельд стал забывать, что чувствовал когда-то перед лицом надвигающейся опасности. Теперь между благом Империи и коварством Врага стояли только пушки Императора и торпеды Императора.

Это было великолепное ощущение! Именно ради него Хорстгельд скитался по этой Галактике.

— Проповедник! — воодушевленно воскликнул контрадмирал. — Что требует от нас Император?

— Повиновения и усердия! — последовал ответ охрипшего духовника из-за кафедры. — Презрения к смерти!

Если команде капитанской рубки и не нравилась привычка Хорстгельда слушать непрерывные разглагольствования корабельного духовника, то никто этого не показал. Навигаторы были заняты, пытаясь выстроить разношерстную флотилию в боевой строй. Связисты передавали бесчисленные приказы кораблям, перешедшим под командование Хорстгельда. Инженерная группа следила за поддержанием мощности плазменных реакторов для предстоящего маневрирования на орбите. Артиллеристы старались переправить весь боезапас торпед к бортовым орудиям. «Трибунал» был старым, но крепким кораблем, он повидал немало сражений и готовился к новому бою.

Но с другой стороны, экипаж не видел того, что видел Хорстгельд, — масштаба приближающейся флотилии.

Хорстгельд немного помедлил, прежде чем преклонить колени перед образом Императора, нависавшим над тактическим экраном. Экран показывал карту орбиты Каэронии, позиции судов имперской флотилии и ближе к планете — беспорядочное мелькание астероидов. Золотая маска Императора сурово наблюдала за капитанской рубкой, словно побуждая экипаж из всех сил трудиться во исполнение Его воли. И наверняка Он Сам следил за командой с Золотого Трона Терры.

— Дай нам волю преодолеть наши слабости, — произнес Хорстгельд. — Храни нас, наш Император!

— Капитан! — За плечом Хорстгельда возник навигатор Стелканов. — В корабельном архиве нашлись необходимые сведения.

— Так быстро? Я думал, придется посылать запрос в командование сегмента на Кар Дуниаш.

— Архивисты нашли записи в историях Равенсбрука, посвященных Готической войне. Самый большой корабль приближающейся флотилии подходит под описание энергетических характеристик судов, сделанных в бортовом журнале «Военного права» в битве при Гефсимане. — Стелканов протянул Хорстгельду лист с результатами анализа и архивными выписками. — Вероятность случайного совпадения очень мала.

— Помоги нам, Трон! — воскликнул Хорстгельд. — Это же «Кузнец преисподней»!

— Сэр?

— Связь! Немедленно свяжите меня с комиссаром Леюнгом. И выведите на экран прибывшее подкрепление.

Изображение сменилось, и на экране показались характеристики и описания судов, которые откликнулись на призыв Хорстгельда и присоединились к флотилии у Каэронии.

— Это еще что такое? — вскричал контр-адмирал, обращаясь к секции связистов. Несколько офицеров сгрудились на скамьях, отведенных связистам. Они едва справлялись с потоком сообщений по каналам, связывавшим суда флотилии. — Я просил боевые корабли! — продолжал Хорстгельд. — Командующий подсектором должен был прислать все, что у него есть!

— Это все, что оказалось в пределах досягаемости, — ответила старший офицер связи Келмор, плотная сильная женщина, заслужившая звание в операциях на поверхности во время кризиса на Ранне.

Хорстгельд снова повернулся к экрану:

— «Благочестие»... Это... это же паломническое судно, храни меня, Терра! На нем едва ли имеется вооружение. А «Эпикур»! Это никчемная яхта!

— Она реконструирована, — ответила Келмор, — Администратум конфисковал ее и перестроил в военно-торговое судно.

— Свяжитесь с Кар Дуниаш. Передайте, что здесь назревает кризис. Если командование сегмента не поможет, мы останемся один на один с противником.

Хорстгельд, качая головой, опустился в командирское кресло. У него очень мало сил. Он мог бы удержать один большой крейсер — такой, как «Кузнец преисподней». Но не целую флотилию. Особенно если учесть тот факт, что во времена Готической войны «Кузнец» служил повелителю Хаоса, Абаддону.

Хаос. Враг. Хорстгельд не мог рассказать об этом команде, но такие корабли, как «Кузнец преисподней», олицетворяли самую суть ереси. Теперь моральная угроза исходила не только от Каэронии.

— Плохие новости, контр-адмирал?

Во всей этой суматохе Хорстгельд даже не заметил, что на соседней скамье тихо сидит инквизитор Никсос, почти скрытый капюшоном своего одеяния.

— Плохие новости, контр-адмирал?

Во всей этой суматохе Хорстгельд даже не заметил, что на соседней скамье тихо сидит инквизитор Никсос, почти скрытый капюшоном своего одеяния.

— Подошедшая флотилия состоит на службе Хаоса, — ответил Хорстгельд. — Флагманский корабль — «Кузнец преисподней». При Гефсимане он проводил операцию по высадке, и это стоило жизни...

— Я читал Равенсбрука, Хорстгельд. Я подозреваю, что историю в Инквизиции преподают не хуже, чем в Академии Флота.

— А у нас недостаточно кораблей, чтобы сдержать их натиск.

— Вы готовы покинуть Каэронию?

Хорстгельд заглянул в глаза старика. И то, что он в них увидел, контр-адмиралу не понравилось. Он не верил широко распространенным историям об инквизиторах — о горячих борцах за дело Императора, уничтожающих целые планеты. Но контр-адмирал точно знал, что власть Инквизиции стоит выше всех остальных, и она не слишком добра к тем, кто сдается перед лицом врагов Империи.

— Нет, конечно, — сказал Хорстгельд. — Но наши возможности невелики.

— Возможно, вам не придется все взваливать на себя. Вы сумели связаться с Алариком и

Хокеспур?

Хорстгельд покачал головой:

— Связисты работают над этой проблемой, но искажения слишком велики. Даже в самые благоприятные часы атмосфера настолько загрязнена, что послать сигнал вниз очень трудно. А учитывая пояс астероидов, и вовсе невозможно.

— А что на «Образцовом»?

— Магосу Корвенлан тоже не повезло.

— Ей не повезло? А я считал, что Адептус Механикус не верят в везение. Как я понимаю, комиссар Леюнг все еще на борту «Образцового»?

— Да, верно, — кивнул контр-адмирал.

— Хорошо. Я уверен, что объединенными усилиями мы с Леюнгом сможем убедить магоса Корвейлан поставить задачу поисков Аларика на первое место. Вы сможете обойтись без меня несколько часов?

— Да. Но мне может понадобиться ваш авторитет, чтобы получить подкрепление от командования сегмента.

— Я подумаю, как вам помочь в этом вопросе. Но вы, капитан, должны понимать, что первостепенным для меня остается вопрос о судьбе Каэронии. Если мы выясним, что там произошло, вам, возможно, и не придется вступать в бой.

Хорстгельд горько усмехнулся:

— Этого не случится, инквизитор. На Каэронии есть что-то такое, что необходимо Врагу. Они, не задумываясь, пойдут сквозь нашу флотилию, чтобы получить желаемое. Вы же не позволите им просто так спуститься на поверхность планеты?

Никсос поднялся и разгладил свое одеяние.

— Безусловно, вы правы. Но у меня свои приоритеты. А сейчас я прошу предоставить мне быстроходный челнок и пару воинов на тот случай, если Корвейлан не захочет оказать содействие.

— Хорошо. И еще, инквизитор... Мы в состоянии задержать высадку врагов. Возможно,

расстроить их ряды и заставить на некоторое время отказаться от десантирования. Но не более того. Я верю в то, что вы осуществляете волю Императора. Если сочтете нужным, я пожертвую своей флотилией, но я не смогу бесконечно долго удерживать противников от спуска на поверхность.

— Если я не изменю своего приказа, Императору угодно, чтобы вы по возможности дольше удерживали их на орбите. Нет ничего во Вселенной, чем бы я не пожертвовал ради посрамления врагов Императора, и я жду того же от всех, кто находится в моей власти. А теперь, если вы не возражаете, мой челнок.

Хорстгельд, поднявшись, отдал честь. Если они в последний раз разговаривают лицом к лицу, он хотел придать их встрече официальный характер.

— Челнок будет готов к тому времени, когда вы доберетесь до пусковой палубы. Пожелайте нам удачи, инквизитор.

— Инквизиция тоже не верит в везение, Хорстгельд. Да хранит вас Император.

Инквизитор Никсос, прежде выглядевший пожилым и усталым, с величественным видом покинул рубку. И Хорстгельд понял, что магос Корвейлан, хочет она или нет, будет на их стороне вместе с остальными кораблями флотилии. А это означало, что Врагу придется сильно потрудиться, чтобы прорвать оборону и достичь Каэронии.

Вверху плавно парили существа, похожие на скатов-демонов размером с истребитель, ловили струи теплых газов из промышленных труб и поднимались под самые облака. Металлические змеи, словно ожившие кабели, скользили по лужам едких отходов, подернутым радужной пленкой. Над слоями рыхлой, сырой ржавчины роились стаи плеснеедов. Мелкие яркие насекомые, состоящие из металла, забавными заводными тараканами шныряли в поисках кусочков отслоившегося железа и жадно на них набрасывались. Типичный мир-кузница, где из-за колоссального загрязнения не смог выжить ни один представитель местной флоры или фауны, Каэрония обзавелась уникальной биомеханической экосистемой. В ней процветали наполовину металлические паразиты.

Таласса вела отряд, избегая явно населенных частей города. На остатках первоначального мануфакториума были выстроены десятки городов. В каждом наряду с процветающими районами имелись и полностью заброшенные кварталы. Отряд проходил через пещеры, оставшиеся от окаменевших биомеханических существ-заводов, пробирался сквозь извилистые переходы их черепов, пересекал доходящие до пояса разливы отвратительной смазочно-охлаждающей эмульсии, брызжущей сверху, из помещений энергетических станций.

Люди благополучно избежали встречи с местными жителями, если не считать нескольких одичавших работников и бродячих сервиторов. Но Аларик постоянно чувствовал на себе взгляды сотен искусственных глаз и понимал, что кто-то в городе точно знает, где они находятся. Платформы с артиллерийскими установками неустанно патрулировали местность. Аларик требовал от спутников следовать точно за ним, используя любые возможные укрытия.

Его навыки передались и остальным участникам миссии: даже архимагос Сафентис стал двигаться, как солдат.

Они повидали немало удивительных вещей. Башни из стекла. Спящее чудовище в блестящей серой шкуре, из которого текла река черной крови. Монстр в виде жирного паука размером с танк, прокладывающий себе путь между башнями. Он оставлял за собой пряди толстых тягучих нитей, и они, отвердевая, превращались в прочные мосты. Каэрония демонстрировала утомительный парад мрачных чудес, каждый раз показывая что-то новое и ужасное.

Поход оказался очень трудным. Тарк все чаще просил останавливаться на короткие привалы, чтобы не дать своим солдатам рухнуть от усталости. Техножреца Талассу на самых труднопроходимых участках приходилось нести на руках. Организм дознавателя Хокеспур очень плохо реагировал на загрязнение. В ее горле и легких появились опухоли, дыхание давалось с большим трудом, и ей приходилось останавливаться, чтобы откашляться.

Серые Рыцари знали основные способы оказания первой помощи в боях, а Сафентис был опытным хирургом, но Хокеспур от этого не становилось легче. Без оборудованного медицинского центра она могла погибнуть в течение недели. Сама Хокеспур отказывалась говорить о своем здоровье. Она происходила из древней династии офицеров флота, была достаточно тверда и храбра, чтобы служить дознавателем в Ордо Маллеус, а потому не могла позволить чему-то банальному вроде смерти встать на пути выполнения долга.

— Должно быть, мы уже недалеко от цели, — сказала Хокеспур на исходе третьего дня пути.

Они шли по дну впадины между двумя высотными заводскими комплексами, вздымавшимися вверх, как два тусклых стальных скелета.

— Надо отдохнуть, — продолжала дознаватель. — Крепость, вероятно, охраняется. Таким измученным техностражам будет не под силу сражаться.

— Ты и сама не в лучшем состоянии, — заметил Аларик.

Даже сквозь щиток ее шлема он видел красные круги вокруг глаз.

— Я бы тоже не отказалась от передышки, — неохотно призналась Хокеспур.

— Живая ты нам нужнее, дознаватель. Я слышал, ты была лучшим стрелком в Гидрапуре.

— Только третьей, юстициарий.

— И это тоже немало.

Аларик окинул взглядом окрестности. Нижние этажи прилегающих промышленных комплексов выглядели пустынными, там можно было укрыться от воздушных наблюдателей. Это место как нельзя лучше подходило для того, чтобы отсидеться перед последним броском по расщелине, ведущей к информкрепости.

— Моим космодесантникам достаточно часа полудремы. Скажи техностражам, чтобы отдыхали, и Талассе тоже. Мы по очереди будем стоять на страже.

Хокеспур оглянулась:

— А где Таласса?

Аларик проследил за ее взглядом. Он видел космодесантников своего отделения, распределившихся по округности, и брата Ликкоса, прикрывавшего тыл. Тарк и все уцелевшие техностражи вместе с архимагосом Сафентисом расположились в центре. Но Талассы не было.

Дно впадины было в изобилии усеяно мусором и обломками. Уставшая Таласса запросто могла упасть и провалиться в какую-нибудь щель.

— Проклятье! — выругался Аларик. — Она нам нужна. — Он включил общий вокс-канал: — Серые Рыцари, я хочу видеть Талассу.

Опознавательные значки на его сетчатке мигнули отрицательно.

— Я помогал ей перебраться через завал за два километра от этого места, — доложил брат Кардис. — И после этого ее не видел.

— Капитан Тарк! — позвал Аларик.

К нему, хромая, подошел офицер техностражей:

— Юстициарий?

— Таласса была с вами?

— Нет, юстициарий. Я не получал приказа ей помогать.

— У нас нет времени на поиски, — сказала Хокеспур.

— Я знаю, — ответил Аларик. — Тарк, заводите своих людей на нижний уровень завода. Хокеспур, отправляйся с ними. Серые Рыцари, разбейте окрестности на сектора глубиной в

полкилометра, потом возвращайтесь и охраняйте отряд. Я останусь здесь.

Аларик повернулся к Сафентису, невозмутимо сидевшему на заржавевшей плите какого-то станка:

— Архимагос, вы несли ответственность за Талассу.

— Я был ее начальником. Наблюдать за ней не входило в мои обязанности. Это не одно и то же.

— Был? Похоже, вы уже считаете ее погибшей.

— А вы так не считаете?

Аларик отвернулся от архимагоса и скрылся в тени промышленного комплекса. Возможно, Сафентис прав. И если так, то это хуже всего. С того самого момента, когда челнок разбился на поверхности, Каэрония могла погубить их любыми способами, и они даже не заметили бы этого. Но потеря женщины-техножреца была невозможной. Сафентис мог взять на себя некоторые функции Талассы, но он не был таким специалистом в получении информации, как она.

Но Сафентис все же нес ответственность за техножреца, и его поведение больше всего тревожило Аларика. Перемены на Каэронии шокировали Талассу, как шокировали бы всякого здравомыслящего человека. У Сафентиса такой реакции не было. Казалось, преобразование наследия Механикус вызывает у него восхищение. Если бы Таласса заподозрила, что Сафентис посетил планету не ради блага Империи, а для выполнения какого-то другого задания, стал бы архимагос сомневаться в возможности ее устранить? Вряд ли. Чем выше ранг, тем меньше человеческих черт остается у техножрецов, а Сафентис не только занимает высокое положение, но и совершенно бездушен.

Аларик наблюдал, как Сафентис взял заржавевший обломок металла и испепелил его в тигле, образовавшемся из ладони бионической руки. Архимагос равнодушно глядел на черную струю дыма, поднимающуюся от кучки пепла.

Теперь отряд больше чем прежде нуждался в знаниях архимагоса. Аларик не мог позволить себе обвинить Сафентиса в убийстве и предательстве. А если он просто сбежит в черное сердце города? Серые Рыцари вряд ли смогут его отыскать. Аларик даже сомневался, можно ли рассчитывать на архимагоса в бою, поскольку не знал, на что способны мощные узлы усиления в его теле.

И Сафентис тоже это прекрасно понимал. Он не сомневался, что Аларику без него не обойтись. А если наихудшие опасения Аларика оправданны? Значит, Сафентис попросту использует Серых Рыцарей и техностражей в качестве личной охраны для достижения какой-то низменной цели?

Больше всего раздражал Аларика тот факт, что он не может ничего сделать. Остается только идти за архимагосом и надеяться, что интуиция подскажет, когда Сафентис решит их предать.

Вот что Аларик ненавидел больше всего — интриги и мелкие предательства, казалось, сопутствующие Инквизиции во всех ее делах. Когда-то он верил, что Адептус Механикус и Инквизиция — это две организации, объединенные службой Императору. Но с каждым днем юстициарий все сильнее убеждался, что человечество склонно находить все новые способы самоуничтожения, вместо того чтобы сообща противостоять врагу.

Но, по крайней мере, Серые Рыцари были к этому непричастны. Они были преданными и честными воинами. Эти качества помогут им пройти через испытания и покарать предателя в своей среде.

— Это Холварн, — окликнули Аларика по воксу. — Ничего не обнаружено. Я увожу отряд внутрь и обследую помещение.

— Понял. Я беру на себя первую вахту. Позаботься, чтобы каждый мог ненадолго погрузиться в полудрему. У нас мало людей, а следующая стадия будет еще тяжелее.

Сквозь едва проницаемый сумрак Каэронии Аларик посмотрел на громоздкие фигуры облаченных в доспехи космодесантников, возвращавшихся по дну впадины. Серые Рыцари не зря считались лучшими воинами во Вселенной, и все же они остались беззащитными перед этой планетой — отрезанные ото всех и лишённые информации. Юстициарий находил слабое утешение, вспоминая, что в борьбе против Гаргатулота они были почти в такой же ситуации, но не отступили ни на шаг и выполнили свой долг. Даже если Каэрония их убьет, это будет стоить ей больших трудов.

Но конец неумолимо приближался, несмотря на то, что Серые Рыцари еще могли некоторое время противостоять врагу. Таласса, скорее всего, мертва. Она могла упасть в одну из многочисленных расселин или угодить в лапы опасного хищника. А возможно, это была грозная уловка Хаоса, стремящегося посеять сомнения и гнев в рядах избранных слуг Императора? Но в этом Врагу никогда не преуспеть.

Существо, которое когда-то было почитаемым архимагосом Скраэкосом, погруженное в бассейн с ртутной эмульсией, вновь ощутило сожаление по поводу слабости немногих частей его тела, состоящих из плоти. Скраэкос ощущал холод и боль воздействия агрессивного жидкого металла. Он чувствовал, как в кожу, оставшуюся между узлами усиления, впиваются многочисленные волоконные датчики. Архимагос давно, очень давно избавился от бесполезных человеческих страхов, вроде клаустрофобии и боязни утонуть, и бассейн не представлял для него никакой опасности. И все же обозначившееся огромное расстояние, отделявшее его от подобия Бога-Машины, вызывало немалый шок.

Конечно, шок ощущала лишь самая потаенная, человеческая часть его существа. Она постепенно отмирала под натиском нового Скраэкоса — надменного приверженца чистой логики, знавшего, что в замыслах Омниссии нет места таким понятиям, как страх или

страдания.

Из лица Скраэкоса вытянулись механоруки и, погрузившись в глубину информационного бассейна, собрали охапку плавающих нитей. На концах механорук появились датчики, и вся содержащаяся в жидкости информация хлынула в мозг Скраэкоса. В строениях мануфакториума Ноктис, в шпилях и фундаментах, перемежаемых туннелями и залами, в паутине переходов между башнями он мысленно увидел расцвет логической архитектуры. Огромные теплые биомеханоиды, прилипшие к основанию города, снабжали его биоэлектрической энергией и произведенной в их телах продукцией. Скраэкос увидел отдаленные фабрики, где рождались и выращивались работники. Оттуда их доставляли в город, чтобы получить исходные материалы, необходимые для продолжения биомеханического строительства.

Часть Скраэкоса при виде всего, что было создано в течение тысячелетия, расцвела от восторга. Но это чувство являлось лишь крохотным и несущественным островком в море логики. Сознание почитаемого архимагоса просто поглощало данные, отбрасывало ненужные сведения и накапливало необходимые факты.

Посланные Скраэкосом программы-охотники отличались большой сложностью. По сравнению с обычными программами им требовалось еще больше питательной массы, получаемой из работников. Теперь в укромные места для охотников будут доставлены тысячи биологических единиц, предназначенных к смерти.

Программы-охотники были самонастраивающимися. Они неумолимо и жадно преследовали жертву, иногда даже пренебрегая собственными насущными потребностями. Но и у них можно было найти уязвимые стороны.

Хотя Каэрония и была насыщена носителями данных — как, например, черные стеклянные кристаллические башни или бассейны с жидким металлом, — на планете имелось немало областей, слишком удаленных от хранилищ информации. Это означало, что программы-охотники могли передвигаться не везде, а лишь в тех районах, где их поддерживали соответствующие источники данных.

Скраэкос мысленно зажег огоньки всех хранилищ информации на карте Каэронии. Высокие стеклянные башни светились очень ярко. Среди них была и та, заброшенная с давних времен, которую недавно покинули незваные гости. Электронные планшеты в руках техножрецов, наблюдавших за работами в башнях, выглядели крошечными движущимися огоньками. Программы-охотники в случае необходимости могли двигаться и при помощи этих источников. Загорелись личные значки некоторых техножрецов: в мануфакториуме Ноктис большие хранилища информации, встроенные во внутренние органы, давно стали обычной частью усиления.

На горизонте, между командной башней и городом, расстилалась огромная светящаяся равнина, где было много мест для программ-охотников. Если бы чужаки вторглись туда, они давно были бы обнаружены. Так что искать надо в других районах.

Скраэкос сконцентрировал внимание на тех участках города, где охотники могли преследовать добычу. Затем он синхронизировал всю информацию, поступающую от техножрецов, оборудованных датчиками сервиторов и всех наполовину натуральных биомеханических существ мануфакториума Ноктис. Обобщенный поток ощущений хлынул в бассейн с жидким металлом, и тысячи плавающих нитей сплелись в длинный пульсирующий жгут, извивавшийся, словно змея.

Скраэкос, словно морское чудовище, поймавшее добычу, обвил жгут механоруками и запустил в него датчики. Поток ощущений ворвался в его мысли. Чтобы принять информацию, Скраэкосу пришлось напрячь все умственные силы, поскольку выброс данных происходил одновременно от миллионов чувствующих существ и машин.

Немногие техножрецы Каэронии были на это способны. Еще меньшее их число пользовалось уважением программ-охотников. Вот почему техножрецы выбрали именно его.

Несомненно, что-то где-то знало о местонахождении пришельцев...

В голове Скраэкоса вспыхнули миллионы образов Каэронии. Он напрягал свой усиленный мозг, пока поток видений не замедлился до такой степени, что картины можно стало рассортировать. Толпы работников вокруг огромных, исходящих паром энергетических блоков. Священные символы, проецируемые на облака в бесконечной литании Богу-Машине и его откровениям. Техножрецы, читающие молитвы Омниссии в храмах на верхушках башен, прославляющие машинным кодом Великого Мыслителя, который через свое воплощение давным-давно довел до жрецов Каэронии Его откровения.

Все это было очень величественно, но Скраэкос искал совсем другое.

Он сосредоточился на пустошах между башнями, где пришельцы могли почувствовать себя вне досягаемости бесконечных глаз города. Разрушенные и покинутые места — забытые, лежащие далеко внизу. Наслоения отвергнутой истории; повсюду груды гниющего хлама, все охвачено разложением, так ненавистным древним невежественным Адептус Механикус. Но Бог-Машина был также и богом разложения — теперь Скраэкос это понимал, как понимала и вся Каэрония. И значит, эти места были такими же священными для Омниссии, как и самые роскошные храмы.

Скраэкос стал осматривать бесконечные мертвые трупы, отстойники промышленных отходов, гниющие кладбища огромных биомеханических существ и продуваемые всеми ветрами гнезда летающих животных, парящих над верхушками башен в поисках добычи.

Вот оно! Один из разведчиков что-то увидел. Люди в броне серого цвета с неизвестными значками космодесантников, просочившиеся в мануфакториум Ноктис. Взгляд был брошен с большой высоты и издалека, но ошибки быть не могло. Отряд передвигался развернутым строем, а в середине шли люди без доспехов и тот, кто был похож на механикума из древних времен.

Хорошо. Они все еще ведут себя как солдаты, все еще считают, что их воинские навыки превзойдут великий разум касты жрецов Каэронии. Скраэкос мгновенно определил их местонахождение и направление движения.

Нет никаких сомнений в их конечной цели. На мысленной карте Скраэкоса это место почти ослепляло уровнем хранившейся там информации. Это было то самое место, где охотники станут еще более сильными и жестокими, смогут двигаться с молниеносной быстротой и набрасываться на любую добычу, способную утолить их голод. И теперь-то они непременно отыщут жертв.

Где-то глубоко-глубоко, под слоями выхоленной индивидуальности, Скраэкос позволил себе улыбнуться. Остальная часть его сущности, составлявшая логическое большинство, просто приказала программам-охотникам покинуть логик-клетки в информационной сети командной башни и отправляться в манифакториум Ноктис на охоту.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/669648>